

Последний Крылов

Андрей Толстых

Андрей Толстых
Последний Крылов

«Автор»

2026

Толстых А.

Последний Крылов / А. Толстых — «Автор», 2026

Он был обычным московским школьником. Глупым, самоуверенным – и мёртвым. Выстрел в спину, последний выдох, и чей-то ледяной голос: «Душа-16-насильственная-аномалия-112. Открываю переход в мир "Земля 1205"». Очнулся Сергей в теле шестнадцатилетнего дворянина Максима Крылова. Род почти угас. Имение в долгах. Бабушка продаёт последние семейные реликвии, чтобы прокормить внука. А за дверями ждут не только кредиторы и люди из Магистрата, но и те, кто убил родителей Максима. Чтобы выжить, придётся стать сильнее. Учиться магии, тренироваться с мечом, собирать союзников. И понять, почему ему дали второй шанс. Последний Крылов не сдастся. Даже если весь мир против него.

© Толстых А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Подработка	5
Глава 2. Чужое имя	10
Глава 3. Первый урок	16
Глава 4. Месяц испытаний	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Андрей Толстых Последний Крылов

Глава 1. Подработка

Третий звонок прозвенел пятнадцать минут назад, но Сергей всё ещё сидел на подоконнике в коридоре второго этажа, беспечно болтая ногами. Из динамиков школьной радиорубки доносился приглушённый голос завуча – та в сотый раз напоминала о правилах поведения на осенних каникулах. Сергей слушал вполуха. Его взгляд скользил по двору, где одноклассники, словно муравьи в перерыве между ливнями, разбегались в разные стороны. Кто-то спешил к автобусной остановке, кто-то нырял в подземный переход, ведущий к метро. Обычный октябрьский день в спальном районе на окраине мегаполиса.

– Сергей, ты опять не сдал тетрадь по алгебре, – раздался за спиной усталый голос классной руководительницы. Женщина лет сорока, с вечно озабоченным лицом и стопкой бумаг под мышкой, даже не остановилась. Бросила фразу на ходу, будто поставила галочку в списке обязательных дел.

– Завтра принесу, Валентина Петровна, – не оборачиваясь, отозвался парень.

– Завтра уже каникулы. После праздников, – бросила она и скрылась за поворотом.

Сергей хмыкнул. После праздников. Смешно. Он уже принял решение этим утром, когда увидел уведомление от Димы на телефоне. Короткое сообщение: «Выходи, дело есть. Заценят все». Дима был старше на два года, учился в колледже, носил кожаную куртку с кучей заклёпок и имел репутацию парня, который «решает вопросы». Сергей знал его с детства – жили в соседних домах, гоняли в одном дворе в футбол. Тогда Дима был просто Димкой, нескладным и вечно сопливым. Теперь он стал Димомом, и у него появились странные знакомые, дорогие часы и привычка говорить тихо, почти шёпотом.

Сергей спрыгнул с подоконника. Рюкзак, брошенный у батареи, привычно лег на плечо. Он не спеша спустился по лестнице, мимо актового зала, где младшеклассники репетировали сценку к Дню учителя, мимо столовой, пахнувшей пережаренными котлетами. На первом этаже у турникетов его окликнул Пашка, вечный друг по парте, с которым они списывали контрольные и смотрели стримы до полуночи.

– Серый, ты куда? Может, гулять? Там вон скейт-парк новый открыли.

– Не, Паш, дела.

– Какие дела? Каникулы же, блин. – Пашка недоуменно моргнул за толстыми очками.

– Скажем так, небольшая подработка, – усмехнулся Сергей, толкнул тяжёлую дверь и вышел на крыльцо.

Осеннее солнце ударило в глаза. Пришлось прищуриться. Двор казался пустым: только пара девчонок из параллельного класса копались в телефонах на лавочке да дворник методично сгребал мокрые листья в кучи. Сергей достал наушники, воткнул один в ухо – так, чтобы слышать и музыку, и окружающий мир. В плейлисте заиграла старая песня «Короля и Шута» – Горшок орал про старика, который запер путника в подвале. Сергей свернул за школу, прошёл через арку между панельными девятиэтажками и вышел на пустырь, где заржавевшие гаражи соседствовали с брошенной стройкой.

Здесь его уже ждали.

Дима стоял, прислонившись к стене гаража, и курил. Рядом с ним маячили двое – Сергей видел их пару раз мельком. Один, коренастый, с бритой головой и татуировкой на шее, походил

на тех самых «спортсменов», о которых шептались в подворотнях. Второй, худой и вертлявый, всё время оглядывался по сторонам и нервно хихикал.

– Ну что, мелкий, готов? – Дима отшвырнул бычок и растёр его подошвой армейского ботинка.

– А то, – Сергей старался, чтобы голос звучал спокойно, даже лениво. Внутри, однако, всё сжималось в тугий узел.

План был прост до идиотизма. И всё же он казался Сергею идеальным. За городом, в старом коттеджном посёлке, который ещё с девяностых пустовал, жил какой-то мужик. Один. У него, по словам Димы, водилась наличка и пара золотых безделушек. Мужик – бывший менеджер какой-то конторы, спившийся, выгнанный женой, никому не нужный. Днём он почти всегда спал или смотрел ящик так громко, что не слышал собственной двери. Зайти, взять, что лежит на виду, и уйти. Три минуты дела. Доля Серёги – десять тысяч рублей. Мелочь, но для школьника это целое состояние.

Главное – не ссы, – наставлял Дима по дороге на электричке. Ехали около часа. За окном проплывали многоэтажки, потом частные домики, потом лес, серый и промозглый. – Мы просто посмотрим. Если что не так – уходим. Нихера не трогаем. Понял?

– Понял, – кивал Сергей, хотя голова была занята другим: как он купит на эти деньги новую гитару. Ту, которую он ранее заприметил в магазине, но не мог себе позволить. Мама сказала: «Подожди до зарплаты», а до зарплаты ещё две недели.

Посёлок встретил глухой тишиной. Осенний ветер гонял по разбитой асфальтовой дороге пакеты и сухие ветки. Коттеджи стояли тесной кучкой, многие с забитыми окнами, заросшие бурьяном по самую крышу. Тот дом, который их интересовал, оказался крайним. Серое двухэтажное строение с облупившейся штукатуркой и железной дверью, на которой когда-то висел замок – теперь от него осталась только скоба.

– Окна на первом этаже закрыты ставнями, но с заднего двора есть лаз в подвал, – шептал Дима, пока они обходили дом по периметру. – Там дверь старая, мы её в прошлый раз чуть поддели, уже открывается.

В прошлый раз. Сергей украдкой покосился на товарища. Значит, они уже лазили сюда до него? Дима перехватил взгляд и усмехнулся:

– Мы только приценивались. А теперь – чистая работа.

Татуированный Коренастый достал из рюкзака монтировку. Худой же достал перчатки – обычные, хозяйственные, оранжевые. Протянул пару и Серёге. Надевать их было волнительно, как перед выходом на сцену. Сергей натянул резину на пальцы – руки сразу стали чужими, непослушными.

Лаз в подвал оказался узкой щелью между бетонными блоками, прикрытой листом фанеры. Дима отодвинул фанеру, и в лицо пахнуло сыростью и мышами. Серый поморщился, но полез следом. Плечи царапались о кирпич, под ногами хрустело битое стекло. Темнота сомкнулась почти сразу – только тусклый свет из лаза за спиной.

– Телефоны не включать, – скомандовал Дима. – Фонарики есть? Без света не отсвечивать.

Худой достал маленький диодный фонарик, похожий на брелок, и направил луч под ноги. В подвале оказалось тесно: старый хлам, батареи отопления, коробки с книгами, тряпки. Лестница наверх – деревянная, прогнившая – вела в запертую дверь.

– Дверь я уже вскрыл, – шепнул Дима и легко, будто кошка, взобрался первым. Осторожно нажал на филенчатую дверь – та подалась бесшумно.

Они оказались в коридоре первого этажа. Здесь пахло ещё хуже – перегаром, старой едой и чем-то кислым, больничным. Пол был устлан газетами, в углу стояла пустая бутылка из-под водки. Сергей вдруг остро осознал, где находится. Не в кино. Не в игре. По-настоящему. И если что-то пойдёт не так – обратной дороги не будет.

– Деньги в спальне, на втором этаже, – прошептал Коренастый. – Мы его видели. Он в гостиной на первом дрыхнет. Телевизор орёт – не проснётся.

Они двинулись на цыпочках. Сергей ступал след в след, стараясь не наступать на треснувшие половицы. Сердце колотилось где-то в горле. В гостиной и правда орал телевизор – какая-то крикливая реклама стирального порошка. Сквозь щель приоткрытой двери Сергей разглядел продавленный диван и на нём чьё-то расплывшееся тело. Мужик спал на спине, сонно похрапывая, одна рука свисала до пола, там же валялся пульт.

Всё шло по плану. Слишком хорошо шло.

Они поднялись на второй этаж. Там было две комнаты – захламлённая спальня и маленькая кладовка. Коренастый занялся ящиками комода, Худой шарил под кроватью, а Дима молча указал Серёге на старый письменный стол у окна. В ящике – пачка денег. Мелочь, смятые пятисотки, несколько тысячных купюр. Сергей принялся пересчитывать дрожащими пальцами.

– Не считай, сгребай всё! – рявкнул шёпотом Дима.

Сергей сунул деньги в карман куртки. Руки тряслись. Пот заливал глаза. Внизу, как назло, телевизор замолчал – то ли реклама кончилась, то ли мужик во сне нашёл пульт.

А потом случилось то, чего никто не ждал.

Скрипнула половица на лестнице. Не на первой ступеньке – на седьмой или восьмой. Той самой, которую они старательно обходили. Сергей замер. Дима вытащил из-за пояса какой-то короткий нож – откуда он у него взялся? – и прижал палец к губам. Коренастый одним движением толкнул Худого в сторону окна.

– Идите к чёрту из моего дома.

Голос был низким, хриплым, но не пьяным. Трезвым. Слишком трезвым для человека, который должен был спать в подпитии. Сергей обернулся и увидел в дверях спальни силуэт. Мужик – тощий, с седыми космами, в семейных трусах и растянутой майке – стоял, опираясь на костыль. Одна его нога была скручена, замотана бинтами. Но во второй руке – в той, что не держала костыль – был предмет, который никак не вязался с образом обрюзгшего алкоголика.

Пистолет. Маленький, чёрный, с глушителем – Сергей такое только в играх видел. Мужик направил ствол в потолок и усмехнулся:

– Я думал, вы поумнее будете. Второй раз на одни и те же грабли, пацаны? Я ваш заход в подвал ещё вчера заметил на камерах. Удумали, да? Взять лоха, который со шпаной справиться не может?

Коренастый с рыком рванул вперёд, но коротко щёлкнуло – и он упал, схватившись за плечо. Кровь сочилась сквозь пальцы тёмными струйками. Худой заорал, бросился к окну, повис на подоконнике. Ещё один щелчок – и он с хрипом осел на пол, зажимая простреленную ногу.

– Ты, – мужик перевёл взгляд на Серёгу. – Ты новый. Лицо незнакомое. Сколько тебе? Пятнадцать? Шестнадцать? Жалкие щенки, даже не понимаете, к кому в дом лезете.

Дима за спиной Сергея зашевелился. Серёга хотел крикнуть ему: «Стой, не дури!», но не успел. Дима бросился вперёд с ножом – неуклюже, по-мальчишечьи, с занесённой над головой рукой. Мужик даже не шелохнулся. Выстрел – и сейчас уже грохот, а всё тот же сухой неприятный щелчок – пробил воздух. Дима отлетел к стене, сполз по обоям, оставляя на них кровавую дорожку.

Сергей вжался в угол. В голове – вата. Мысли рассыпались, как битое стекло. Это сон? Это точно не может происходить наяву. Он же просто школьник. Он хотел только гитару. Новую гитару.

– Ну а ты, пацан? – Мужик медленно двинулся к нему, припадая на большую ногу. Костыль стучал по половицам глухо, как метроном. – Скажешь что-нибудь перед тем, как я тебя... отучу лазить по чужим домам?

Сергей смотрел в чёрный кружок ствола. Внутри что-то оборвалось. Не страх даже – странное, холодное спокойствие. Всё, что он помнил о своей жизни: мамина улыбка, ссора с отцом, Пашка с его дурацкими анекдотами, первый поцелуй в прошлом году – всё сжалось в точку, как затягивающаяся воронка. И в моменте пришло понимание, что опасный алкаш не особо похож на инженера. Сергей старался не поддаваться панике и попытаться выкрутиться.

– Слушай, дядя, – голос Сергея прозвучал удивительно ровно. – Ты меня отпусти. Меня мама ждёт. Я никому ничего не скажу, честно. Я деньги отдам, они в кармане, заberi.

Мужик остановился в двух шагах. Склонил голову – седые космы упали на глаза. Усмешка сползла с его лица. Взгляд стал задумчивым, почти философским.

– Мама, говоришь? – он медленно поднял пистолет. – А знаешь, пацан, у меня тоже сын был. Тоже в школе учился. Тоже хотел шмотки, айфоны, уважение. Знаешь, что с ним стало?

Сергей молчал.

– Он умер, – сказал мужик без всякой эмоции. – Не от болезни. Не от случайности. Его застрелили такие же, как вы. За четыре тысячи рублей. Четыре тысячи, пацан. Смех, да? Так что не надо мне про маму. Не надо.

Он передёрнул затвор. Сергей понял, что это всё. Не будет второго шанса, не будет бегства по крышам, не будет боевой ничьей. Тупой, нелепый финал из-за пары тысяч рублей и желания казаться взрослым.

И тогда Серый сделал единственное, что пришло в голову. Он не бросился вперёд – как Дима. Не попытался убежать – как Худой. Он шагнул в сторону стены, сорвал с вешалки старое пальто – чёрное, шинельного покроя, пропитанное нафталином – и что есть силы швырнул его в мужика. Пыхнуло что-то – может, пыль, может, искра от старого выключателя. Пальто на секунду заслонило обзор. Сергей прыгнул к окну – не потому, что думал спастись, а потому, что это было единственным направлением, куда ещё не стреляли.

Три выстрела. Три сухих хлопка, один за другим. Первая пуля вошла в плечо – Серёга даже не почувствовал, только услышал хруст, как разрываемая ткань. Вторая – в бок, и тогда мир накрыло горячей волной. Третья – уже в спину, когда он, теряя сознание, летел через подоконник вниз, проломив своим весом ставню, на чахлый газон и битый кирпич.

Время замедлилось. Сергей падал очень долго. Он видел жёлтые листья на ветке старого клёна. Слышал, как где-то далеко сигналит электричка. Чувствовал, как земля мягко принимает его тело – почти ласково, будто мать, укладывающая уставшего ребёнка.

«Как глупо», – подумал он в последний раз, глядя в серое небо. Солнце уже клонилось к закату, и облака горели багрянцем. «Я не хотел умирать. Я просто хотел... новую».

И мир погас.

Но тьма длилась недолго. Где-то на границе между последним ударом сердца и абсолютной пустотой возникло ощущение. Сначала – звук: не музыка, не шум, а низкий, ровный гул, похожий на пение струны. Потом – свет: не солнце и не лампа, а мерцание, исходящее отовсюду и ниоткуда. Потом – холод. Пронзительный, нечеловеческий холод, который не пронизывал тело (тела больше не было), а сквозил сквозь самую суть того, кем Сергей только что был.

А потом – Голос. Без тембра, без направления, без привычного «кто-то сказал». Он просто возник в сознании, как факт.

«Погибший. Возраст – шестнадцать. Причина – насильственная. Семь невыполненных желаний. Уровень потенциала – не зафиксирован. Система перераспределения души... Активирована. Ошибка. Несовместимость с целевым миром. Повторная активация. Ещё одна ошибка. Что за... Активирован экстренный протокол.»

Сергей хотел спросить: «Что происходит?», но у него не было рта. Не было горла. Было только удивление – чистое, детское, граничащее с восторгом.

Голос продолжал, и в нём теперь звучало нечто похожее на досаду – или удивление?

«Сбой в классификации. Обнаружен аномальный параметр. Невозможно направить душу в стандартные потоки перерождения. Система выбирает... альтернативный вариант. Душа-16-насильственная-невыполненные-аномалия-112, твой путь закрыт в этой реальности. Открываю переход в мир «Земля 1205». Параметры совместимости: 41 процент. Достаточный минимум – 15. Риск отторжения: высокий. Альтернативы: отсутствуют. Согласен ли ты на перемещение?»

Сергей думал ровно секунду.

Он вспомнил маму. Она будет плакать. Найдут его тело под окном этого проклятого дома. Дима, Коренастый, Худой – все трое тоже мертвы или умрут в больнице. Утренний выпуск новостей покажет сюжет с размытыми лицами: «Подростки погибли при попытке ограбления в частном секторе». Одноклассники будут писать в чате: «Представляешь, Серый-то! А казался нормальным». Паша, наверное, так и не поймёт, почему друг не пришёл в скейт-парк.

Всё это было больно. Невыносимо. Но выбора всё равно не оставалось. Там, позади, была только смерть. А здесь... здесь хотя бы был шанс.

«Согласен», – мысль возникла яснее слов.

«Принято. Перемещение через 3 секунды. Помни, погибший: в мире «Земля 1205» нет возврата. Твоя память будет частично заблокирована до достижения совершеннолетия по местным меркам. Твоё тело будет новым. Твоя жизнь – другой. Используй свой шанс. Начало синхронизации...»

Свет взорвался тысячью осколков. Холод сменился жаром. Гул перешёл в чей-то отчаянный крик – или в собственный вопль Сергея, который он не мог издать всё это время.

А потом мира не стало.

Глава 2. Чужое имя

Сознание возвращалось не сразу. Оно пробивалось сквозь плотный, ватный слой забытья, как вода сквозь треснувшую плотину – сначала тонкой струйкой, потом всё мощнее, пока не хлынуло потоком, сметая остатки тьмы.

Первое, что почувствовал Сергей – или тот, кем он теперь был – это жар. Не тот здоровый, согревающий жар от батареи или горячего чая, а глубокий, тянущий изнутри, будто кто-то развёл костёр в самой середине грудной клетки. Следом пришла слабость, такая всеобъемлющая, что даже веки казались чугунными плитами.

И запахи. Резкие, непривычные, бьющие в ноздри с пугающей отчётливостью. Пахло травами – горьковатыми, вяжущими, развешанными пучками под потолком, где Сергей различал смутные тени. Пахло дымом, но не сигаретным и не от костра, а каким-то иным, сладковато-пряным. И ещё – чем-то старым, деревянным, выскобленным до блеска многолетним трудом.

Сергей лежал на спине. Под ним что-то жёсткое, обтянутое грубой тканью. Перина? Кровать? Он попытался пошевелить рукой – получилось. Пальцы нащупали шершавое льняное полотно и край деревянной спинки. Резной. С замысловатыми завитками.

– Очнулся, – раздался голос. Негромкий, спокойный, женский, с лёгкой хрипотцой. В нём не было ни радости, ни удивления, только усталое удовлетворение, как у врача, который поставил диагноз и теперь ждёт, подтвердятся ли опасения.

Сергей с огромным трудом разлепил веки. Мир поплыл, распадаясь на размытые пятна, прежде чем собраться в картинку. Он увидел потолок – тёмные деревянные балки, между которыми сохли травы и висели связки лука. Света было мало: узкие окна с мутными стёклами почти не пропускали октябрьское солнце, а единственная свеча на столе давала больше теней, чем тепла.

– Как ты себя чувствуешь? – женщина подошла ближе, и Сергей наконец смог её разглядеть.

На вид ей было за шестьдесят, а может, и все семьдесят – в этом незнакомом мире с его непривычным освещением возраст угадывался плохо. Высокая, прямая, с седыми волосами, забранными в тугой пучок на затылке. Лицо её было изборождено морщинами, но глаза – голубые, хоть и почти прозрачные – смотрели остро и цепко, как у человека, привыкшего ничего не упускать. Одежда – тёмное шерстяное платье, туго затянутое на талии, поверх накидка из грубой ткани, какие рисуют на старых гравюрах.

Другая эпоха. Другой мир.

Сергей хотел ответить, но из горла вырвался лишь сиплый, чужой звук. Он поперхнулся, закашлялся – и в этот момент осознал нечто, отчего кровь застыла в жилах, даже несмотря на внутренний жар.

Голос был не его.

Не тот ломкий мальчишеский голос, которым он вчера спорил с продавщицей в ларьке и переругивался с Пашкой в школьном коридоре. Этот был ниже, глубже и совсем непривычный. И губы – когда он провёл по ним пересохшим языком – чувствовались иначе: тоныше, суше, с небольшой трещиной посередине.

– Воды, – выдохнул Сергей, и снова – не своя интонация, не своя манера растягивать гласные.

Женщина – бабка? Нет, не бабка, это слово казалось слишком грубым для её стальной выправки – взяла с резной тумбы деревянную кружку, поднесла к его губам. Помогла напиться,

придерживая за затылок. Рука у неё была твёрдой, мозолистой – такие бывают у тех, кто в жизни полагается только на себя.

Вода обожгла горло – холодная, колодезная, с привкусом железа и мяты. Но Сергейпил жадно, захлёбываясь, пока женщина не отняла кружку строгим, но мягким движением.

– Будет. Переполошишь желудок, опять начнётся лихоманка.

Лихоманка. Старомодное слово. Сергей никогда не слышал его вживую – только в книжках.

– Где я? – спросил он. И тут же почувствовал, как что-то внутри него не совпадает. Не так, не должно быть так. Вопрос был правильным, но где-то на периферии сознания билась мысль: «Ты должен это знать. Ты здесь живёшь».

Женщина странно на него посмотрела. Не с подозрением – скорее с осторожностью, присущей тем, кто пережил много потерь и научился не радоваться раньше времени.

– В твоей комнате, Максим. Где же ещё.

Максим.

Имя упало в сознание, как камень в тёмную воду – пошли круги, поднялась муть. Максим. Это не он. Он Сергей. Сергей из Москвы, школьник, шестнадцать лет, который пошёл на дурацкое дело из-за десяти тысяч на новую гитару. Которого застрелил полоумный старик в доме на окраине посёлка.

Сергей.

Он попытался ухватиться за это имя, как утопающий за ветку, но что-то внутри туго сжалось, и воспоминания о прежней жизни – мама, Пашка, звонок в школе, электричка, выстрелы – поплыли, теряя чёткость, как рисунок под дождём.

– Максим, – повторил он вслух, пробуя на вкус. Непривычно. Чужеродно. Но язык повиновался этому имени без запинки.

– Да, – кивнула женщина. Теперь в её глазах мелькнуло что-то, похожее на облегчение. Но не радость. Скорее, отсрочка приговора. – Я уже думала, что хворь повредила тебе голову. Три дня в жару, без сознания. Лейка с соседней улицы приходила – говорила, что такие не выживают. – Она помолчала, затем села на табурет у кровати, расправив юбку. – Но Крыловы были живучими всегда. Назло всему.

Крыловы. Фамилия отозвалась глухим, далёким эхом. Максим Крылов. Дворянин. Шестнадцать лет. Род почти угас.

Откуда Сергей это знал? Он ведь никогда не слышал этих имён. И всё же информация лежала где-то на задворках сознания, как файлы в закрытой папке – доступ запрещён, но название папки видно. Он попытался заглянуть внутрь и наткнулся на стену. Глухую, непроницаемую, сотканную из тумана и колючей проволоки.

«Твоя память будет частично заблокирована до достижения совершеннолетия по местным меркам», – всплыло откуда-то. Чей-то голос. Безликий. Далёкий.

Значит, это всерьёз.

– Ты меня слышишь, Максим? – голос женщины – Клавдии Степановны, как вдруг понял Сергей – прорвался сквозь сумятицу мыслей. – Я спросила, что ты помнишь.

– Помню... – он замолчал, лихорадочно перебирая обрывки. Лицо матери, улыбающейся на кухне. Школьный коридор. Запах котлет из столовой. И выстрелы. Три выстрела и падение. Но это были чужие воспоминания. Или свои, но не подходящие к этому миру.

– Помню, что я умирал, – наконец сказал он. И это было правдой.

Клавдия Степановна долго молчала. Её морщинистое лицо оставалось неподвижным, только пальцы, сцепленные на колене, слегка побелели от напряжения.

– Умирал, – повторила она не как вопрос, а как констатацию факта. – Горячка скосила твоего отца за три дня, мать – за пять. Тебя – на вторую неделю. Доктор сказал, что шансов

нет. – Она отвела взгляд к окну, где сквозь мутное стекло пробивался тусклый свет. – Я уже заказала место на погосте. Рядом с ними.

Она не плакала. Глаза оставались сухими, голос – ровным. Но Сергей вдруг остро, почти физически ощутил ту пустоту, которая разверзлась в душе этой женщины, когда она хоронила сына, невестку и почти уже внука. Род Крыловых, который тянулся неизвестно сколько поколений, оборвался бы на ней, старой, одинокой, доживающей век в пустом доме.

Но он – Максим – выжил. Не благодаря лечению или чуду. А потому что в его тело вселилась душа умершего московского школьника.

Сергей почувствовал себя самозванцем. Вором, который пробрался в чужую жизнь, пока настоящий хозяин лежал в горячке, и занял его место. Но что-то глубже – может быть, тот самый «аномальный параметр», о котором говорил Голос – подсказывало: выбора не было. Максим всё равно бы умер. А так... осталась хотя бы форма. Тело. Имя.

– Простите, – сказал Сергей, и это вышло искренне.

Клавдия Степановна перевела на него взгляд. И впервые за весь разговор её лицо дрогнуло – уголки губ чуть опустились, брови сдвинулись, и на секунду она стала не стальной вдовой, а просто пожилой женщиной, усталой от потерь.

– За что ты извиняешься, внук? – спросила она тихо. – За то, что не умер?

Сергей не нашёл ответа.

Они молчали несколько минут. В доме было тихо – удивительно, насколько тихо. Ни телевизора, ни шума машин за окном, ни музыки из колонки у соседей. Только потрескивание свечи, редкое дыхание ветра за стеной и где-то далеко – лай собак.

– Мне нужно осмотреться, – сказал наконец Сергей, делая попытку приподняться на локтях.

– Лежи. – Рука Клавдии легла на плечо с неожиданной силой. – У тебя был жар семь дней. Ты не ел. Едва пил. Если сейчас встанешь – упадёшь, и я не понесу тебя обратно. У меня спина болит.

Спорить не имело смысла – Сергей чувствовал, что она права. Тело было чужим, слабым, ватным. Даже шевелить пальцами стоило усилий. Но он всё равно повернул голову, насколько позволяла шея, пытаясь рассмотреть комнату.

То, что он увидел, подтвердило догадку.

Комната была небольшой – шагов пять в длину и три в ширину. Стены – из грубо отёсанных брёвен, закопаченных мхом. Пол – дощатый, скрипучий, но чисто выскобленный. У стены стоял массивный дубовый стол с железной чернильницей и огарком свечи в подсвечнике. Рядом – книжный шкаф на три полки, забитый корешки которых были кожаными, названия – на незнакомом языке, который Сергей, однако, мог прочитать. «Основы врачевания травами», «Родословная дворянских родов Центральных земель», «*Менталистика для начинающих*».

Менталистика?

Сергей задержал взгляд на последней книге чуть дольше. Обложка была из тиснёной кожи, название выведено серебряной нитью. Он попытался представить, что может означать это слово в мире без интернета и электричества, и не смог.

На окнах – тяжёлые портьеры из тёмно-зелёного бархата, местами вытертые, но ещё дорогие. На подоконнике – несколько глиняных горшков с засохшими растениями. Сергей узнал в них базилик и розмарин – мама выращивала такие же на кухне.

Мама.

Мысль о ней резанула как ножом. Что она сейчас делает? Сидит у телефона, ждёт звонка? Ещё не знает? Или уже... Сергей зажмурился, отгоняя картинку – мамино лицо, искажённое горем, милицейская машина у подъезда, знакомые, перешёптывающиеся у подъезда.

Не думать. Нельзя думать. Там больше нет пути.

– Ты снова бледнеешь, – заметила Клавдия. – Воды?

– Нет, – Сергей сглотнул. – Скажите... где мы?

Бабушка – он начал мысленно называть её так, хотя это было нелегко – помолчала, словно оценивая, насколько серьёзен её внук в своём незнании.

– В усадьбе Крыловых, – ответила она. – Имение «Горки». От родового гнезда осталось только это, – она обвела рукой комнату, – и ещё три комнаты. Остальное продано за долги. После смерти твоего деда, царство ему небесное, мы держались, как могли, но... – она не закончила.

– Далеко отсюда город? – спросил Сергей.

Клавдия нахмурилась:

– Какой город? Ближайший – Верхний Новгород, три дня пути на перекладных. Но мы туда не ездим. С тех пор, как...

Она замолчала, и Сергей понял, что снова упёрся в ту самую «заблокированную память». Что-то случилось в этом Верхнем Новгороде, что-то, связанное с родителями Максима. С их смертью.

– У нас здесь вообще есть что-нибудь, кроме трав и старых книг? – спросил он, пытаясь перевести разговор в менее опасное русло. – Деньги? Еда?

– Еда у нас есть, – сухо ответила Клавдия. – Не дворянские обеды, но с голоду не помрём. Кур держим, огород. Муку делают на мельнице у соседей. Деньги? – она вздохнула. – Те, что остались, ушли на лекарства для тебя. И на доктора.

– Значит, мы бедны.

– Мы не бедны, Максим. – В её голосе зазвенела сталь. – Мы на грани разорения. Это разные вещи. Бедность – когда нечего терять. У нас пока есть крыша над головой, земля и наша фамилия. А фамилия Крыловых в этих краях кое-что значит, даже если у нас за душой ни гроша.

Сергей хотел спросить, что именно значит, но в этот момент внизу что-то громынуло – сначала глухой удар, затем звон, будто разбилась глиняная миска. Клавдия мгновенно встала, положила сухую, жилистую руку на плечо внука и сказала:

– Лежи. Я посмотрю.

Она вышла, притворив за собой тяжёлую дверь. Сергей остался один.

Он лежал и слушал собственное дыхание – чужое, глубокое, с лёгким присвистом в груди. Медленно, с невероятным трудом, откинул одеяло. Вместо привычной футболки и шорт на нём была длинная льняная рубаха до колен, грубая, застиранная до мягкости. Руки – не его руки. Бледные, худые, с длинными пальцами.

Ни одной родинки, ни одной царапины, которой Сергей помнил себя. Даже шрам на левом колене – где он разбил его в семь лет, слетев с велосипеда – исчез.

Чужие руки. Чужое тело. Чужое имя.

«Твоя память будет частично заблокирована», – вспомнил он снова.

Но чья-то ещё память – Максима? – была заблокирована полностью. Сергей не знал, как звали родителей этого парня, с кем он дружил, чему учился. Он знал только то, что видел сейчас: комнату, книги, бабушку. И то, что где-то на окраинах сознания шевелятся смутные, пугающие тени знаний, которые он не может извлечь на свет.

Он попробовал сесть. Получилось – но деревенеющие мышцы взвыли от боли, а перед глазами поплыли черные круги. Пришлось схватиться за спинку кровати и так сидеть, покачиваясь, пока зрение снова стало ясным.

Ноги коснулись холодного пола. Сергей опустил ступни – чужие, узкие, с длинными пальцами – и с удивлением понял, что босиком стоять приятно. Доски были тёплыми, гладкими от времени. Дом жил своей жизнью: где-то скрипело, вздыхало, оседало, как старик в кресле у камина.

Он сделал шаг. Второй. Стена качнулась, но он устоял. Третий – и он уже стоял посреди комнаты, держась за спинку стула, чувствуя каждым позвонком, насколько слабо это тело. Парень, что жил здесь до него, умирал долго и тяжело. Хворь высосала из него силы, оставив только оболочку.

С трудом переставляя ноги, Сергей добрался до окна. Отодвинул тяжёлую портьеру – та метнула в лицо облако пыли – и прижался лбом к холодному стеклу.

То, что он увидел, заставило сердце забиться быстрее.

Бескрайние поля, уходящие к горизонту. Серые от низких облаков, покрытые пожухлой стернёй, с редкими островками берёзовых рощ. Дорога – грунтовая, разбитая колёсами, уходит вдаль и теряется среди холмов. Ни одного столба ЛЭП. Ни одного автомобиля. Вместо домов, которые он привык видеть, – деревянные избы с соломенными крышами, разбросанные так далеко друг от друга, что казались случайно выпавшими из чьей-то ладони семенами.

И небо. Небо было другим. Не московское, серое и низкое, а какое-то бесконечно глубокое, даже сквозь облака проступал оттенок синевы, которого Сергей никогда не видел. Будто кто-то смешал лазурь с молоком.

Средневековье. Настоящее, без прикрас. Без рыцарей на белых конях и принцесс в башнях. Быт, грязь, бедность и люди, которые пашут землю от зари до зари, чтобы не умереть с голоду.

И в этом мире ему предстояло жить.

– Ты встал, – голос Клавдии за спиной прозвучал не столько упреком, сколько просто констатацией факта. – Упрямый, как все Крыловы.

Сергей медленно обернулся. Бабушка стояла в дверях, прижимая к груди глиняный горшок, от которого тянуло паром и чем-то съестным. Похлёбка, понял он. Или каша. В животе заурчало – тело требовало еды с такой яростью, что стало трудно дышать.

– Мне нужно знать, – сказал Сергей, встречаясь с её серыми, прозрачными глазами. – Всё, что происходит. Моя болезнь. Дом. Деньги. И что случилось с... с моими родителями.

Он чуть не сказал «с его родителями», но вовремя поймал себя. Для неё он был Максимом. Её внуком. Единственным, кто остался.

Клавдия поставила горшок на стол, села на табурет, жестом приглашая его сесть напротив. Сергей повинился – ноги дрожали, и расстояние в три шага далось ему с трудом.

– Твои родители, – начала она глухо, – погибли не от хвори. Я тебе раньше не говорила. Думала, ты ещё мал. Но сейчас... – она вздохнула, провела ладонью по лицу, будто стирая усталость. – Сейчас ты почти взрослый. И имеешь право знать.

Сергей замер.

– Их убили, – сказала Клавдия. И голос её не дрогнул. – Не разбойники, не соседи. Свои же. Дворяне. Те, кому Крыловы перешли дорогу.

– Кто? – спросил Сергей, и в этом чужом горле вдруг проснулась чужая же, но оттого не менее острая ненависть.

– Потом, – отрезала бабушка. – Сначала тебе нужно встать на ноги. И не просто встать, а... – она помолчала, подбирая слова. – Ты потомственный менталист, Максим. Как твой отец. Как дед. Как весь наш род.

Менталист.

Слово повисло в воздухе, тяжёлое, как камень.

– Магия? – вырвалось у Сергея прежде, чем он успел подумать.

Клавдия медленно кивнула. И в её глазах впервые за весь разговор мелькнуло что-то, похожее на надежду.

– Магия, внук. Та, что течёт в крови Крыловых с незапамятных времён. Та, что, возможно, спасла тебе жизнь – потому что обычные люди не выходят из семидневной горячки с пустыми глазами и вопросами о том, где они находятся.

Она пододвинула к нему ложку – деревянную, грубо вырезанную.

– Ешь. Завтра начнём заниматься. Но ты должен понять сразу: ты ничего не умеешь. Твой отец не успел тебя обучить – умер, когда тебе было четырнадцать. Всё, что ты знаешь о ментальной магии – это детские игры, лепет, который ты слышал от него. Так что мы начинаем с нуля.

Сергей взял ложку. Рука не дрожала. Внутри, там, где минуту назад была только слабость и страх, зарождалось что-то новое. Твёрдое. Упрямое.

Он не выбирал эту жизнь. Не выбирал это тело, эту бабушку, этот мир без интернета и горячей воды. Он вообще ничего не выбирал – его просто швырнуло сюда из милости, как щенка, которого хозяйка не утопила, а подбросила к чужим дверям.

Но теперь у него была цель. Не гитара. Не дешёвое уважение. А кое-что покрупнее.

Выжить. Научиться. И, может быть, когда-нибудь вернуть долг тем, кто убил родителей Максима – тех, чьим именем он теперь называл себя.

Он зачерпнул густую, пахнущую салом и укропом кашу, отправил в рот. Вкус был чужим – но не противным. Живот одобрительно заворчал.

– Бабушка, – сказал Сергей, и это слово впервые прозвучало естественно. – А магия – это сложно?

Клавдия Степановна усмехнулась – первый раз за всё время. Усмешка вышла кривоватой, но не злой.

– Сложно, – ответила она. – Посложнее твоего упрямства. Но ты – Крылов. А Крыловы всегда предпочитали невозможное – простому.

За окном ветер раскачивал голые ветки старой берёзы. Где-то вдалеке прокричала птица – не воробей и не ворона, а кто-то с голосом низким, трубным, незнакомым.

Мир «Земля 1205» принимал нового жильца.

Он ещё не знал, что ждёт его впереди. Не знал, какие силы охотятся за родом Крыловых. Не знал, что его магический дар – не просто семейная привилегия, а смертный приговор в тех кругах, о которых он пока не догадывается.

Но он знал главное: он больше не Сергей, умерший как недалёкий воришка.

Он – Максим.

И его история только начиналась.

Глава 3. Первый урок

Ночь прошла тяжело.

Сергей – нет, Максим, он должен был привыкать – лежал на жёсткой постели, укрытый шерстяным одеялом, и смотрел в потолок. Травы на балках шевелились от сквозняка, отбрасывая причудливые тени, похожие на танцующих призраков. Где-то за стеной поскрипывала половица – бабушка Клавдия не спала, ходила по дому, что-то переставляла, гремела горшками. Дом жил своей ночной жизнью, полной звуков, которых Максим никогда не слышал в панельной девятиэтажке: шуршание мышей за плинтусами, тяжёлые вздохи старых балок, далёкий крик ночной птицы – низкий, гортанный, похожий на плач.

Воспоминания о прошлой жизни – о жизни Сергея – приходили обрывками, как сигнал плохого радио. Мама на кухне, жарит блины и смеётся чему-то. Пашка за соседней партой, рисует в тетради закорючки вместо конспекта. Школьный коридор, запах хлорки из туалета и голос завуча по радио. И гитара.

Вот где всё завязалось. Не новая, не дорогая, но красивая – тёмный верх, резонаторное отверстие, украшенное перламутром. Сергей увидел её в витрине музыкального магазина на Арбате, когда возвращался после репетиции. Прилип к стеклу, как муха. Продавец – лысый мужчина в клетчатой рубашке – вышел на порог, закурил и сказал: «Хорошая вещь. Японская. Будешь брать?» Сергей сглотнул: «Сколько?» «Двадцать три тысячи. С учётом того, что б/у – дёшево».

Мама давала ему пятьсот рублей в неделю на обеды. Если копить год, отказывая себе во всём, можно было наскрести. Но гитара стояла в витрине сейчас, а через год её уже кто-то купит. И тогда Дима – тот самый Димон – предложил выход. «Дело на пять минут. Заплатят десять тысяч. Полгитары». Всё, что требовалось обычно – стоять на стрёме у подъезда, пока старшие ребята разберутся с каким-то должником. Просто стоять. И молчать.

Но в этот раз они пошли на дело к какому-то безумному старику с пистолетом. Они не могли знать про сына старика, про то что в доме есть оружие и уж тем более про то, что старик будет решать вопрос с преступниками столь радикально.

Как же глупо.

Максим закрыл глаза, но сон не шёл. Перед внутренним взором стояла та сцена: грязный коттедж, запах перегара, щелчок глушителя. И собственное тело, летящее вниз с подоконника. Дурак. Какой же он был дурак. Шестнадцать лет. Крутой. Взрослый. Сам себе хозяин.

«Погибший. Возраст – шестнадцать. Причина – насильственная. Семь невыполненных желаний».

Семь желаний. Одно из них – гитара. Остальные шесть так и останутся тайной для него самого – память заблокирована. Может, хотел помирить родителей? Может, научиться играть, чтобы мама гордилась? Теперь уже не узнать.

Он резко сел на кровати, отбросил одеяло. В комнате было холодно – ночной воздух проникал сквозь щели в окнах, заставляя вздрагивать. Максим посмотрел на свои руки – чужие, длиннопалые, бледные. Руки музыканта. Может быть, когда-то настоящий Максим Крылов тоже хотел научиться играть? Кто знает.

– Не спится? – раздалось из-за двери.

Максим вздрогнул. Бабушка Клавдия стояла на пороге с керосиновой лампой в руке – высокой, медной, с мерцающим внутри оранжевым огоньком. На ней был длинный халат из тёмного ситца, волосы распущены, и без привычного пучка она выглядела старше, уставшее. Но глаза смотрели всё так же остро.

– Мысли, – ответил Максим. – Много всего.

– После болезни всегда так. – Клавдия вошла, поставила лампу на стол, села на тот же табурет, что и днём. – Душа отвыкает от тела. Ищет выход. Но привыкнет.

«Ты даже не представляешь, насколько ты права», – подумал Максим.

– Бабушка, – сказал он, помедлив. – А мои родители... они были хорошими людьми?

Вопрос вырвался неожиданно, из того самого тёмного угла сознания, где ворочались чужие, но почему-то очень важные воспоминания. Клавдия долго молчала, поглаживая край стола узловатыми пальцами.

– Хорошими, – наконец сказала она. – Слишком хорошими для этого мира. Твой отец, Сергей, верил, что магия должна служить людям, а не вредить. Что Крыловы всегда были благородным родом и не должны опускаться до интриг и подлостей. Верил так сильно, что перешёл дорогу тем, кто на подлостях построил своё состояние.

Сергей. Отца Максима звали Сергей. Такое же имя, которое носил он сам в прошлой жизни. Совпадение? Или Голос, тот самый, что говорил в момент смерти, знал, что делает?

– А мать?

– Анастасия, – голос Клавдии потеплел. – Из обедневших дворян, но с даром. Сильным даром, между прочим. Жаль, что мы не успели его развить – бабушка вздохнула. – Жизнь в наших землях коротка, Максим. Чего бы кто ни говорил.

Они помолчали. Где-то за окном снова закричала та странная птица – теперь ближе, будто подобралась к самому дому.

– Завтра, – сказала Клавдия, вставая, – начнём занятия. Ты должен понять главное: менталистика – это не фокусы. Не чтение мыслей, как в дешёвых романах. Это умение видеть чужую волю и не поддаваться ей. И первое, с чего мы начнём – защита. Потому что в этом мире каждый второй, обладающий хоть каплей дара, попытается залезть тебе в голову. Дворяне – особенно.

– А что делать тем, у кого нет дара? – спросил Максим.

– Тем, у кого нет дара, остаётся надеяться на свои кулаки и добрый меч, – усмехнулась Клавдия. – Но у нас, слава богам, не тот случай. Спи. Завтра встаём на рассвете.

Она взяла лампу и вышла, оставив Максима в темноте. Но теперь темнота не казалась такой пугающей. Где-то в груди разгорался маленький, тусклый, но живой огонёк.

Он не хотел умирать снова. И, чёрт возьми, он сделает всё, чтобы этот огонёк не погас.

Рассвет в этом мире наступал рано. И не так, как в Москве, где небо сначала сереет, потом розовеет, а солнце вылезает из-за высоток нехотя, будто не выспалось. Здесь всё было иначе: сначала слабое свечение на горизонте, редкое, как намёк, потом вдруг – раз! – из-за кромки леса выкатывается огромный багровый шар, и воздух наполняется золотом.

Максим стоял на крыльце, кутаясь в шерстяной плащ – единственную верхнюю одежду, которую он нашёл в гардеробе. Настоящий Максим Крылов был худым, почти тощим, и плащ висел на нём, как на вешалке. Но бабушка сказала утром, когда он спустился в кухню: «Ничего, поправишься. Крыловы всегда были жилистыми, но кость у нас крепкая».

Кухня оказалась большой комнатой с русской печью, занимавшей половину пространства. В печи потрескивали дрова, пахло свежим хлебом и чем-то кисло-сладким – кажется, бабушка варила компот из сушёных яблок. Еда была простой: вчерашняя каша, ломоть хлеба с маслом, кружка топлёного молока. Максим ел, стараясь не давиться – тело требовало пищи с такой жадностью, что он боялся, что его вырвет. Но с каждым глотком силы возвращались.

– Пойдём, – сказала Клавдия, когда он допил молоко. – Для первого урока я подготовила место.

Она повела его не на улицу, а вглубь дома – по тёмному коридору, где половицы жалобно скрипели под ногами, к тяжёлой дубовой двери в конце. Дверь была заперта на массивный засов, какой в прошлой жизни Максим видел только в музеях. Клавдия достала из кармана

ключ – огромный, ржавый, с замысловатой бородкой – и провернула в замке. Замок лязгнул гулко, как цепь.

– Это комната твоего деда, – сказала она, толкая дверь. – С тех пор, как его не стало, я никого сюда не пускала. Даже твоего отца – не хватало духу. Но сейчас пришло время.

Комната деда оказалась небольшой, круглой, с высокими узкими окнами, забранными решётками. Мебели почти не было – только дубовый стол посередине и несколько стульев вокруг. На стенах висели схемы – рисунки человеческого мозга, переплетённого с какими-то геометрическими фигурами. Максим узнал в некоторых из них древние символы – такие можно было увидеть в учебниках по истории, в главах про алхимиков и мистиков.

Но главное находилось в центре стола. Хрустальный шар размером с кулак, установленный на медной подставке. Внутри шара плавали серебристые нити, похожие на искусственные молнии.

– Что это? – спросил Максим.

– Память рода, – ответила Клавдия, касаясь шара кончиками пальцев. Нити внутри зашевелились быстрее, поднимаясь к поверхности, будто приветствовали её. – Каждый Крылов, рождённый с даром, оставляет здесь частицу себя. Знания, умения, опыт. Это не книги, внук. Это живая ментальная матрица. То, что твой дед не успел передать тебе при жизни, ты можешь получить здесь – если, конечно, твой дар проснётся.

– А если нет? – Максиму вдруг стало страшно. Не за себя – за то, что он занимает чужое место, пользуется чужими привилегиями. Настоящий Максим Крылов, может быть, ждал этого дня с детства. А получил какой-то самозванец из другого мира.

Но бабушка, казалось, не замечала его колебаний. Она пододвинула стул к столу, указала на него.

– Садись. Положи руки на шар. И закрой глаза. Не пытайся ничего делать – просто дыши.

Максим повиновался. Пальцы коснулись холодного стекла – внутри тут же вспыхнула сеть серебристых линий, будто шар узнал его. Или узнал не его, а ту кровь, которая текла в этом теле.

– Менталистика, – голос Клавдии стал тише, почти шёпотом, – это не колдовство, которое можно выучить по книге. Это искусство чувствовать чужой разум, как собственный. Начинается всё с малого – с защиты. Представь, что твоя голова – это дом. У дома есть стены, двери, окна. Слабые места. Твоя задача – понять, где находятся эти слабые места, и укрепить их.

– Но как? – спросил Максим, не открывая глаз. Под веками плыли серебристые отсветы – шар светился всё ярче.

– Сосредоточься на дыхании. Вдох – ты чувствуешь границы своего «я». Выдох – ты их слегка раздвигаешь. Не слишком далеко – на расстояние вытянутой руки. Почувствуй, где кончается ты и начинается мир.

Звучало как йога. Или медитация. В прошлой жизни Сергей не увлекался ни тем, ни другим – слишком скучно. Но сейчас, сидя в чужом доме, в чужом теле, в чужом мире, он вдруг понял, о чём говорит бабушка. Он буквально ощутил, где заканчивается его тело и начинается воздух. И где-то на границе – тонкая, почти невесомая преграда, которая отделяла его сознание от всего остального.

– Кажется, я чувствую, – прошептал он.

– Хорошо. – В голосе Клавдии промелькнуло удивление – смешанное с гордостью. – Теперь представь, что эта преграда становится плотнее. Не стеной, нет – стена треснет, если ударить сильно. Стальной пружиной. Чем сильнее давление снаружи, тем сильнее она отталкивает. Понимаешь?

Максим кивнул. И представил.

Серебристые нити в шаре вдруг вспыхнули так ярко, что проблески света проникли сквозь закрытые веки. Что-то щёлкнуло в голове – тихо, как переключатель тумблера. И мир

вокруг стал... другим. Более плотным. Более реальным. Он слышал, как дышит бабушка – медленно, глубоко. Чувствовал, как под полом возятся мышцы. Ощущал, как ветер снаружи давит на оконные стёкла, пытаясь найти щель.

– Открой глаза, – сказала Клавдия.

Максим открыл. И ахнул.

Мир стал серым. Нет, не бесцветным – просто поверх обычных красок наложилась ещё одна, полупрозрачная сеть. Он видел линии на стенах – те самые, с рисунков, – видел тусклое свечение вокруг собственных рук и яркое, почти белое вокруг бабушкиной головы.

– Это аура, – пояснила Клавдия, заметив его взгляд. – Ты видишь ментальные поля. У меня дар слабый, остатки былой силы, но ты – даже сейчас, после болезни – светишься, как факел. Не знаю, что с тобой случилось за эти семь дней, Максим, но твой потенциал вырос. Или проснулся. Или... – она замолчала, не договорив.

– Или что?

– Или ты не тот, за кого себя выдаёшь, – тихо сказала бабушка. И в её глазах не было подозрения – только горечь. – Но это уже не важно. Ты – мой внук. Кровь Крыловых течёт в твоих жилах, я проверяла, пока ты был без сознания. Ритуал подтвердил. А остальное... остальное не наше дело.

Сердце Максима пропустило удар. Она знала? Или просто подозревала? Или это было проверкой – насколько он растеряется?

– Я ничего не помню до болезни, – сказал он осторожно. – Совсем. Только... только какие-то картинки. Чужие.

– Так бывает, – кивнула Клавдия. – Дар, проснувшийся в кризисный момент, часто сжигает старые воспоминания, чтобы освободить место для нового. Не бойся. Со временем они вернуться. Или не вернуться – и будет лучше.

Она убрала руки от шара, и серебряные нити внутри успокоились, замерли.

– На сегодня достаточно. Первое занятие – самое короткое. Теперь твоя задача – каждый день повторять это упражнение. Учиться видеть границы. Укреплять защиту. Через неделю – если не случится ничего непредвиденного – начнём учиться второму уровню.

– Какому? – спросил Максим.

Клавдия посмотрела на него с нечитаемым выражением.

– Проникновению в чужой разум, – сказала она. – Умению читать мысли. Но это не для слабых духом. Услышать чужую боль, чужие тайны – значит взять на себя ответственность. Ты готов?

Максим подумал о старике с пистолетом, который убил его за то, что он, дурак, залез в чужой дом. О родителях Максима, которых убили свои же дворяне. О долгах, разорённом имении и бабушке, которая доживает век в нищете.

– Готов, – сказал он твёрдо. – Только научите меня всему. И побыстрее. Я не хочу больше быть беспомощным.

Бабушка кивнула, и в её суровых глазах промелькнуло что-то, похожее на уважение.

После урока Максим поднялся в свою комнату. Тело болело – непривычная нагрузка на разум оказалась тяжелее, чем физическая работа. Голова гудела, перед глазами иногда двоилось. Но внутри росло странное, почти забытое чувство – уверенность.

В прошлой жизни он часто чувствовал себя ничтожеством. Учился на тройки, не выделялся ни в спорте, ни в творчестве. Друзья – только Пашка, и тот скорее от безысходности, потому что больше никто не хотел с ним общаться. Денег не было. Уважения – тоже. И когда появилась возможность заработать разом столько, сколько он бы копил долгое время, он ухватился за неё, как утопающий за соломинку.

Глупец. Теперь он понимал: никакая гитара не стоила его жизни. Никакие вещи, никакие деньги, которые можно заработать, рискуя собой. Семь невыполненных желаний – и все они, наверное, были о том же: о желании быть значимым, заметным, крутым. О желании, чтобы его уважали не за то, что он умеет стоять на стрёме, а за то, кто он есть.

Но чтобы тебя уважали, нужно сначала стать тем, кого можно уважать.

Он сидел на кровати, перебирал в уме урок бабушки, пытаясь закрепить новые ощущения. Границы. Защита. Дом, у которого есть стены. Он мысленно обошёл эту метафору со всех сторон, и вдруг ему показалось, что он слышит – нет, чувствует – что-то. Слабый, едва различимый импульс, идущий снизу, из кухни.

Любопытство пересилило усталость. Максим спустился по скрипучей лестнице, стараясь ступать бесшумно. Голос бабушки доносился из кухни – она разговаривала с кем-то. Но говорила она не в трубку – никаких телефонов здесь не было. Значит, с живым человеком.

Максим замер у двери, прислушался.

– ...не отдам, – говорила Клавдия. Голос её звучал глухо, почти угрожающе. – Ты получишь свои деньги, Савелий. Я обещала – и я слово держу. Но дом – не твоя забота.

Мужской голос ответил – низкий, маслянистый, неприятный:

– Клавдия Степановна, вы же умная женщина. Зачем эти сложности? Я вхожу в долю. Не хотите отдавать дом – отдавайте землю. Южный надел всё равно не обрабатывается. А я найду ему применение.

– Ты найдёшь применение, Савелий? – бабушка усмехнулась. – Ты, который при жизни Сережи клялся в вечной дружбе, а как только его не стало – пришёл выбивать долги? Я не отдам тебе землю.

– Вы отдадите, – голос стал жестче. – Или я пойду в Магистрат. Ваш внук – единственный наследник. Недееспособный после болезни. Опекун перейдёт к городу. А с городом, Клавдия Степановна, мне договориться проще, чем с вами. Выбирайте.

– Ты не посмеешь.

– Посмею. Через три дня приеду за ответом. Или деньги, или земля. Всё просто.

Хлопнула входная дверь. Тишина взорвалась колоколом в голове Максима. Долги.

Бабушка заняла у друга отца – у этого Савелия – деньги, чтобы спасти имение после смерти родителей. А теперь этот «друг» решил, что пришло время забрать своё. С процентами. И, кажется, ему было всё равно, что от этого зависит жизнь двух людей.

Максим вошёл на кухню.

Клавдия стояла у печи, опустив плечи – впервые он видел её такой сломленной. Старой. Настоящей – не стальной леди, какой она казалась, а просто женщиной, которую жизнь переехала тяжёлой телегой.

– Ты всё слышал? – спросила она, не оборачиваясь.

– Достаточно, – Максим подошёл ближе. – Сколько мы должны?

Клавдия молчала так долго, что он уже решил, что она не ответит. Но наконец выдохнула:

– Три тысячи золотом.

– Это много? – спросил Максим, понятия не имея о местных деньгах.

– Это всё, что у нас есть, и ещё половина того, чего у нас нет, – горько усмехнулась бабушка. – Чтобы отдать такой долг, нам нужно продать имение. Вместе с землёй, домом, курами и огородом. Останется только то, что на нас надето.

– А если не отдавать?

– Если не отдать через месяц, Савелий пойдёт в Магистрат. У него есть расписки, подписанные мной. Суд будет на его стороне – он человек влиятельный, а мы кто? Одинокая старуха и недееспособный внук. Даже если мы докажем, что проценты грабительские, закон на стороне того, у кого больше связей.

Максим сел за стол, на котором ещё стояла утренняя посуда. В голове лихорадочно кружились мысли. Только что он думал о том, чтобы стать лучше, сильнее, достойным уважения. А теперь реальность ударила по карману – по тому самому, которого у них почти не было.

– А если я сам пойду в Магистрат? – спросил он. – Я не недееспособный. Я могу говорить, ходить, доказывать.

– Ты ребёнок по их законам, – покачала головой Клавдия. – До семнадцати лет ты не имеешь права голоса в суде без опекуна. А опекун у тебя – я. Или город, если докажут, что я с тобой не справляюсь.

Вот оно. Савелий давил именно на это: забрать внука, оставить старуху ни с чем, а имение присвоить через подставных лиц. Чистая, подлая схема.

– Мы не отдадим имение, – сказал Максим. И почувствовал, как в груди разгорается тот самый холодный огонь, что спас его в момент смерти. Не героический, нет – упрямый. Злой. – Мы найдём деньги. Или докажем, что Савелий – мошенник. Но земли Крыловых не получит никто, это наш дом.

Клавдия обернулась. В её глазах стояли слёзы – первый раз за всё время – но она не плакала. Только смотрела на внука – на мальчика, который проснулся после смертельной болезни другим, взрослым, опасным – и медленно кивнула.

– Тогда, – сказала она, – у нас есть месяц. Учись, Максим. Учись быстрее, чем я планировала. Потому что без дара ты – никто. А с даром... с даром, возможно, мы ещё покажем этому миру, что такое род Крыловых.

Максим сжал кулаки. Пальцы – чужие, длинные, слабые – дрожали. Но в них уже зарождалась сила. Не магическая – пока нет. Та, что живёт в каждом, кто решил бороться до конца.

За окном садилось солнце, окрашивая поля в багровый цвет. Тот же цвет, что был в его прошлой жизни в момент смерти. Но теперь Максим смотрел на закат без страха. Время наивных ошибок прошло. Теперь от его решений зависит не только его жизнь.

Глава 4. Месяц испытаний

Утро после разговора о долге выдалось хмурым. Небо затянуло низкими свинцовыми облаками, и мелкий противный дождь моросил с такой настойчивостью, будто хотел проверить крышу дома Крыловых на прочность. Максим сидел за столом в кухне, перед ним остывала каша, которую он даже не пробовал. Мысли ворочались тяжёлыми, колючими комками.

Три тысячи золотом. Три дня.

Он плохо представлял себе местные деньги, но по тому, как бабушка – всегда прямая и несгибаемая – сломалась на мгновение, понял: сумма чудовищная. Продажа имения покроем долг, но оставит их с бабушкой на улице. А без земли, без дома, без фамильного гнезда род Крыловых прекратит существование. Не физически – морально. Исчезнет память, традиции, накопленный веками опыт. Всё, что дед, прадед и прапрадед собирали по крупичкам, превратится в звонкую монету в кармане у проходимца Савелия.

– Ты не ешь, – Клавдия вошла на кухню, неся в руках глиняную миску с чем-то, пахнущим мёдом и травами. Поставила перед внуком. – Выпей. Отвар.

– Ещё один? – Максим поморщился. За те несколько дней, что он пришёл в себя, бабушка поила его разными настойками и отварами чуть ли не каждые два часа. Некоторые были горькими, как полынь, другие – приторно-сладкими до тошноты.

– Этот особенный, – Клавдия села напротив, сложив руки на столе. – Состав – секрет рода. Никому его не давали, кроме тех, кто носит нашу кровь. Твой дед пил его, когда готовился к поединку с княжеским менталистом. Отец – когда учился щиту, способному отразить атаку целой группы. Теперь твоя очередь.

Максим взял кружку. Отвар был тёмно-зелёным, почти чёрным, с мерцающими на поверхности золотистыми разводами – будто кто-то растворил в жидкости пыльцу. Пахло мятой, чем-то смолистым и ещё – странно – свежестью, как после грозы.

– Что он делает? – спросил он.

– Закрепляет уроки, – Клавдия говорила медленно, вкладывая в слова особый вес. – То, что обычный человек учит годами – мышцы, разум, связь между ними – ты сможешь освоить за месяц. Но есть цена. – Она подняла палец. – Отвар не работает сам по себе. Он усиливает твоё собственное усилие. Если ты будешь лениться или сомневаться – он отравит тебя. Не телом – душой. Сделает апатичным, равнодушным, пустым. Понимаешь?

– Понимаю, – Максим поднёс кружку к губам. – Без труда не выловишь и рыбку из пруда.

– Что? – бабушка нахмурилась.

– Поговорка, – усмехнулся Максим и сделал глоток.

Вкус оказался обманчивым. Первое, что почувствовал язык – мяту и мёд. Приятно, даже вкусно. А потом – удар. Отвар прокатился по горлу огненной волной, растёкся по пищеводу, опустился в желудок и оттуда – жаром – во все концы тела. Максим задохнулся, схватился за край стола. Пальцы побелели. В ушах зашумело, перед глазами поплыли золотистые круги.

– Терпи, – спокойно сказала Клавдия. – Первый раз всегда тяжелее всего.

Через минуту жар спал. Осталась странная лёгкость в теле – будто кости стали полыми, а мышцы – туго натянутыми пружинами. Максим моргнул, и мир вокруг стал чуть ярче, чётче. Он вдруг услышал, как за стеной шебуршится мышь, почувствовал малейшие нотки дыма в воздухе – бабушка, наверное, только что затушила лучину.

– Готов? – спросила Клавдия.

– К чему?

– К твоему первому дню. Ты не подумай, Максим, – она встала, одёрнула платье, и в её глазах зажглась прежняя сталь. – Менталистика – это основа. Но если Савелий приведёт с

собой людей – а он приведёт, будь уверен – тебе понадобится не только умение видеть мысли. Тебе понадобится умение защищать себя руками. И мечом.

– У нас есть меч? – удивился Максим.

– Был. У твоего деда. Сейчас он у одного человека, который присматривал за ним последние годы. Я сегодня схожу к нему. А ты пока – к твоему новому учителю фехтования.

– К кому?

Клавдия накинула на плечи тёплый платок – шерстяной, серый, с выцветшей вышивкой по краю – и бросила на прощание:

– Увидишь. И надень что-нибудь попрacticalнее. В том, в чём ты ходишь, только кур пасти.

Максим посмотрел на себя – длинная льняная рубашка, подвязанная верёвкой вместо пояса, и штаны, которые явно шили с запасом на вырост. Да уж, не модный квартал в центре Москвы.

«Ничего, – подумал он, допивая отвар и морщась от последнего, самого горького глотка. – Будет и на моей улице праздник. Или хотя бы штаны по размеру».

Голубятня оказалась на чердаке. Максим даже не подозревал о её существовании, пока бабушка не попросила подняться и выбрать «самого быстрого». Чердак пах сеном, пылью и птицами – резковато, но не противно. Узкое окно пропускало полоску серого света, в которой плавали миллионы пылинок.

Голуби сидели на насестах – крупные, сизые, с красноватыми глазами. Они не боялись Максима, только поворачивали головы, следя за каждым его движением. Настоящий Максим Крылов, вероятно, знал их всех по именам. Сергей – нет.

– Ничего, – пробормотал он, протягивая руку к ближайшему голубю. Тот доверчиво переступил с лапы на лапу и позволил взять себя. – Ты будешь быстрым.

Под левым крылом птицы нашёлся маленький кожаный пенал – для записок. Максим достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги, на котором бабушка Клавдия вывела твёрдым, каллиграфическим почерком:

«В Магистрат города Верхний Новгород. Старшему магистру Антону Гавриловичу.

Прошу рассмотреть дело о незаконных требованиях дворянина Савелия Медведева в отношении вдовы Клавдии Крыловой и её внука Максима Крылова. Прилагаю копии долговых расписок. Проценты превышают установленные законом в три раза. Долг оформлен под угрозой лишения опеки. Жду содействия.

С надеждой на справедливость, К.С. Крылова».

Максим перечитал текст дважды. Ничего лишнего. Никаких эмоций. Только факты и юридические формулировки – насколько он мог судить о местных законах. Бабушка явно знала, как разговаривать с властями.

Он вложил бумагу в пенал, застегнул ремешок, поднёс голубя к окну. Птица взволнованно хлопала крыльями, и он выпустил её. Сизое тело мелькнуло в сером небе, сделало круг над домом и взяло курс на север – туда, где, как объясняла бабушка, лежал Верхний Новгород.

– Лети, быстрый, – сказал Максим вслед. – Надеемся на тебя. Другой надежды у нас нет.

Он ещё постоял у окна, глядя, как голубь превращается в точку, а потом исчезает совсем. Дождь усилился, забарабанил по шиферной крыше. Максим спустился вниз, надел плащ, который отыскал в гардеробе – длинный, тёмно-синий, с выцветшим гербом Крыловых на воротах (два скрещённых меча над раскрытой книгой) – и вышел на улицу.

Бабушка уже ждала у калитки. Рядом с ней стоял невысокий, коренастый мужик в кожаном фартуке поверх стёганой куртки. На плече у него висело что-то длинное, замотанное в дерюгу.

– Дядя Сеня, – представила бабушка. – Он присматривал за дедовым мечом.

Арсений поклонился – неловко, по-мужицки, но с достоинством. Лет ему было под пятьдесят, а то и больше – лицо исполосовано морщинами, руки в мозолях, но взгляд живой, цепкий.

– Здрав будь, барин, – сказал он хриловато. – Оружие твоего деда – вещь добрая. Не заржавело, не затупилось. Только я не сторож, я кузнец. Вот и правнучка моя, Ленка, на меня ворчит: «Деда, ты с мечами возишься, как с младенцами». А что делать? Хорошую вещь надо беречь.

Он размотал дерюгу, и Максим увидел меч. Не тот громоздкий двуручник из кино, а узкий, слегка изогнутый клинок – скорее рапира, чем меч, но с достаточно широкой гардой и удобной рукоятью, обмотанной чёрной кожей. Ножны – деревянные, обтянутые тёмной тканью, с медным наконечником.

– Легкий, – бабушка пояснила, заметив взгляд Максима. – Для магов он. Менталисты не размахивают тяжёлыми мечами – им нужна скорость. Ты не будешь пробивать доспехи, Максим. Ты будешь находить щели между ними.

Максим взял меч. Оружие отозвалось приятной тяжестью – не неподъёмной, а ровно такой, чтобы чувствовать контроль. Он сделал пробный взмах – воздух свистнул у клинка.

– Слабоват, – прокомментировал Арсений. – Но это дело наживное. Есть у меня на примете один человек. Научит.

– Старый Прохор? – переспросила Клавдия.

– Он самый, – кивнул кузнец. – Кто ж ещё из стариков мечом владеет, как не он? Даром что хромой – а троих молодых уложит, не заморачиваясь. Я к нему загляну, договорюсь. А ты, барин, – он обернулся к Максиму, – готовься. За месяц он из тебя выжмет всё, что можно, и ещё чуть-чуть. Плата невелика, просит немного хлеба да вина.

Бабушка молча кивнула. Максим понял: это она договорилась с учителем, отдав что-то на оплату. Что – он узнает позже.

Когда Арсений ушёл, унося с собой меч для «лёгкой правки», Максим подошёл к бабушке:

– Вы заплатили ему? У нас есть деньги?

Клавдия вздохнула. Развязала узел на поясе, достала маленький кожаный мешочек, вытряхнула на ладонь содержимое. Максим увидел несколько медных монет – и больше ничего.

– Это всё, – сказала она. – Что осталось после лекарств.

– Тогда как... – начал он.

– Я продала брошь, – перебила Клавдия. – Свадебный подарок моей матери. Старую, с сапфиром. Невелика цена – всего пятьсот серебром. Но на месяц нам хватит. На еду, на оплату Прохору, на отвары. Остальное... остальное добудем сами.

У Максима пересохло в горле. Свадебная брошь. Семейная реликвия, которую берегли, наверное, поколениями. Продана за медяки, лишь бы внук мог научиться защищать себя.

Он хотел сказать что-то – спасибо? что он отработает? что вернёт всё сторицей? – но слова застряли в горле. Только сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

– Не смотри на меня так, – Клавдия спрятала мешочек обратно. – Нежности сейчас не ко времени. Иди. Завтра с утра – к Прохору. А сегодня – шар. Ты должен привыкнуть видеть ментальные поля на расстоянии.

И начались дни.

Месяц, который перевернул всё.

Каждое утро, с первыми петухами, Максим пил отвар – теперь уже без содрогания, хотя вкус всё ещё оставлял желать лучшего. Потом – час медитации с хрустальным шаром в комнате деда. Клавдия учила его не просто видеть ауры, но различать их оттенки: серый – у равнодушных, золотистый – у добрых, красный – у агрессивных. Чёрный – у тех, кто желает зла.

– Чёрный – не цвет, – поясняла она. – Это отсутствие света. Пустота. Менталисты называют таких «глухими». Их разум нельзя прочесть, нельзя задеть – он как каменная стена. Но таких мало. Савелий – не глухой. Его аура – тёмно-багровая, значит, он скрывает ярость под маской спокойствия. Бойся таких. Они непредсказуемы.

После завтрака – Прохор.

Старый мечник жил на отшибе, в маленькой избушке у самой опушки леса. Ему было за семьдесят – сутулый, с седой щетиной и левым глазом, затянутым бельмом. Ходил он, припадая на правую ногу – старый боевой перелом, как объяснил он сам, «неудачно приземлился после того, как меня скинули с коня». Но руки у Прохора были живые, быстрые, и мечом он владел так, что Максим поначалу только и успевал, что отбиваться – и всё равно пропускал удары.

– Ноги шире! – орал Прохор, размахивая учебной деревянной рапирой. – Не стой столбом, ты не берёза в поле! Дыши! Меч – это продолжение руки, а рука – продолжение мысли. Ты думаешь – остриё уже знает.

Первые три дня Максим едва держался на ногах. Мышцы, непривычные к нагрузкам, горели огнём, на ладонях вздулись кровавые мозоли. К концу первой недели он научился отражать прямые удары и сам перешёл в наступление – пусть неуклюже, пусть медленно, но уже не просто стоял и молился, чтобы его не убили.

На второй неделе Прохор добавил рукопашный бой.

– Меч можешь потерять, – ворчал старик, показывая захват, от которого Максима скручивало в бараний рог. – Руки не потеряешь. Кулаки всегда с тобой. Бей в уязвимые места: горло, пах, глаза. Не благородно? А подыхать благородно? Забудь про честь в драке, парень. В драке выживают. Честь оставь для дуэлей.

Максим учился падать – мягко, перекатом, чтобы не разбить спину. Учился вставать даже после пропущенного удара. Учился сжимать кулак так, чтобы не сломать пальцы. Учился дышать через боль.

По вечерам, на грани обморока, он возвращался в комнату деда и снова работал с шаром. И пил отвар. Каждый день. Без пропусков.

Результаты не заставили себя ждать.

К концу третьей недели Максим мог уверенно читать поверхностные мысли – те, что лежат на грани сознания. Клавдия проверяла его, загадывая числа или предметы. Он ошибался, но всё реже. Ауры он видел теперь даже с закрытыми глазами – иногда, в моменты концентрации, мир перед ним расцветивался сотнями оттенков, от бледно-розового (спокойствие) до тёмно-синего (боль).

Физически он тоже изменился. Тело, бывшее дохлым и слабым, начало обрастать мышцами. Не горами, не рельефом бодибилдера – сухой, жилистой силой, которая чувствовалась в каждом движении. Он стал быстрее. Резче. Удары, которые раньше он даже не замечал, теперь перехватывал на подлёте. Прохор, который поначалу посмеивался над «баринном, у которого руки из одного места растут», под конец третьей недели заявил:

– А ничего ты, парень. Сырой ещё, сырой, но уже не глина. Кремень. Ещё месяц – и я тебя выпущу в люди.

Максим на это только усмехался. Месяца у них не было. В любой момент Савелий придет за ответом. И к тому времени он должен быть готов к любой неожиданности. То что враг ещё не у ворот, уже было довольно подозрительно.

На двадцать пятый день тренировок случилось то, чего Максим не планировал.

Вечер выдался на редкость тёплым для поздней осени. Солнце клонилось к закату, окрашивая поля в медово-золотистый цвет, и Максим, воспользовавшись тем, что Клавдия ушла к соседке за солью, решил прогуляться до мельницы. Ноги сами несли его по знакомой просёлочной дороге – за месяц он изучил эти места вдоль и поперёк.

Мельница стояла на холме, у самого ручья. Колёса не работали – вода в этом сезоне была низкой – и строение казалось спящим гигантом, присевшим отдохнуть. У крыльца Максим заметил фигуры – две, он не сразу разглядел из-за теней.

Девушка лет пятнадцати, в синем платке и светлом платье, прижималась спиной к стене мельницы. Перед ней стоял парень – широкоплечий, в кожаной безрукавке поверх грубой рубахи, с рыжими патлами, торчащими во все стороны. Одна его рука упиралась в стену над плечом девушки, второй он сжимал её запястье.

– Отпусти, Илья! – голос девушки звенел от страха и злости. – Я сказала – нет!

– Да ладно тебе, Ленка, – голос у парня был маслянистый, самоуверенный. – Чего ломаешься? Я ж не чужой. Твой дед сам говорил: «Илья, ты парень работающий». А я работающий. Чего тебе ещё надо?

– Отпусти, кому говорю!

Максим узнал Ленку. Внучка кузнеца Арсения. Та самая Ленка, которая ворчала на деда за возню с мечами. За месяц он пару раз видел её у дома – девушка носила бабушке свежие яйца и молоко, здоровалась стеснительно и убегала, низко опустив голову.

И этот Илья. Местный, наверное. Сосед. Но от него за версту несло агрессией – даже без ментального зрения Максим бы это почувствовал. А с ментальным – тем более. Аура Егора была тёмной, дымчатой, с багровыми всполохами у горла. Злоба. Желание унижить. И ещё что-то – влажное, липкое, отвратительное.

– Всё нормально? – спросил Максим у девушки, подходя ближе.

Парень обернулся. Он был старше Максима – лет, наверное, восемнадцать-девятнадцать. Выше на полголовы, шире в плечах, с бычьей шеей и толстыми, неуклюжими пальцами. Глаза маленькие, светлые, с красными прожилками.

– Ты ещё кто? – он отпустил Ленкино запястье, и девушка тут же отскочила в сторону, вжавшись в стену. – А, знаю. Крылов, что ли? Тот, что чуть не помер? – Илья хохотнул. – Ты бы шёл отсюда, болезный. Не видишь – люди разговаривают.

– Я вижу, – спокойно сказал Максим. – Судя по лицу собеседницы, говорить с тобой она не хочет.

– Ой, смотрите-ка, – Илья сделал шаг к Максиму, поигрывая плечами. – Дворянчик хилый вылез поучать. Ты в своём уме? Или всё ещё в горячке? – Он повернулся к Ленке. – Не обращай внимание.

Ленка молчала. Глаза у неё были полны слёз, но она смотрела на Максима с надеждой и страхом одновременно. Он понял: она боится. Боится Ильи, боится, что парень вернётся потом и отыграется на ней или на отце.

– Тебе бы уйти отсюда по-хорошему – повторил Максим, делая ещё шаг.

Илья рыкнул, как зверь, и бросился вперёд.

Удар был грубым, прямым, без замаха – здоровяк явно привык полагаться на силу, а не на технику. Год назад Сергей пропустил бы такую оплеуху и рухнул бы на землю, захлёбываясь кровью из разбитой губы.

Но сейчас Максим был другим.

Тело среагировало быстрее мысли. Он ушёл в сторону – короткий, экономный шаг, который Прохор вбивал в него сотнями повторений. Кулак Ильи просвистел в пустоте, и парень по инерции проскочил вперёд, открывая спину.

Максим не стал бить в спину – можно было, но не нужно. Вместо этого он сделал подсечку. Нога описала дугу, врезалась в голень Ильи – и здоровяк рухнул на колено с глухим, утробным рыком.

– Ты... – заорал он, пытаясь встать, но Максим уже был рядом. Ладонь – ребром – по локтевому суставу, и рука Ильи безвольно повисла. Второй рукой Максим схватил парня за рыжие патлы, дёрнул вверх так, что тот задрал подбородок, и приставил к горлу...

Ничего. У него не было ножа, не было меча. Только пальцы, сложенные щепотью – удар в кадык, который может убить, если нажать сильно. Он не нажал. Замер на грани.

– Ещё раз, – сказал Максим тихо, почти ласково. – Ещё раз ты осмелишься прыгнуть на меня и я повешу тебя на ближайшем дереве без суда и следствия.

Илья хрипел, пытаясь вырваться, но захват был мёртвым. Ментальное зрение показывало, как его аура бледнеет – от багровой к серо-зелёной. Страх. Впервые в жизни этот бугай испугался.

– Ты... ты псих, – просипел он. – Я тебя... я до Магистра дотащу. Дворянин без причины на простого руку поднял...

– Ты напал первым, – Максим чуть ослабил хват. – И я не просто дворянин, Илья. Я потомственный менталист. Я сейчас прочитал все твои мысли про Ленку. Все. До одной. Ты хочешь, чтобы я рассказал твоему отцу, что ты там себе представлял? Или, может, священнику на исповеди пересказать? Или всем в деревне?

Чистый блеф. Максим не умел читать мысли так глубоко – только поверхностные, вроде «ударить его» или «страшно». Но Илья об этом не знал.

Парень побелел, потом покраснел, потом снова побелел. Он дёрнулся, вырвался из захвата – Максим позволил – и отполз на четвереньках к кустам.

– Вы ещё пожалеете, – прошипел он, вставая. – И ты, Крылов, и твоя бабка, и вся ваша дворянская порода. Я вернусь. И не один. Вы ещё узнаете Илью Шмелёва!

Он сплюнул в траву, развернулся и зашагал прочь, по-звериному переваливаясь на широких ногах. Аура его снова запылала багровым – но теперь это была не агрессия, а обида. Злая, слепая, мстительная.

Максим проводил его взглядом, затем повернулся к Ленке.

Девушка всё ещё стояла, прижавшись к стене. Платок сполз на плечи, из-под него выбилась русая коса. Она смотрела на Максима огромными, влажными глазами – в которых смешались страх, благодарность и недоверие.

– Ты... – прошептала она. – Ты его... прогнал.

– Прогнал, – кивнул Максим. Вдруг, совершенно некстати, он почувствовал, как дрожат руки. Адреналин отпускал, и тело требовало отдыха. – Он тебя обидел?

– Нет, – Ленка провела ладонью по щеке, вытирая слёзы. – Только схватил. Я закричала бы, но... он сказал, что если я закричу – убьёт моего отца. А дед старый, он не сможет... – она всхлипнула и замолчала.

Максим подошёл ближе, протянул руку. Девушка сначала отшатнулась, потом посмотрела на его ладонь – мозолистую, с заживающими ссадинами – и вдруг улыбнулась сквозь слёзы. Неловко, по-детски, но искренне.

– Спасибо, барин, – сказала она, принимая руку. Максим помог ей отойти от стены. – Правда спасибо. Если б не ты...

– Ничего, – он отпустил её, сделал шаг назад. – Ты иди домой, Ленка. И не выходи одна, когда темнеет. Хорошо?

– А он... правда вернётся? – тихо спросила она.

Максим посмотрел в сторону, куда ушёл Шмелёв. Аура парня давно растаяла за деревьями, но в воздухе всё ещё висела липкая, неприятная тяжесть.

– Вернётся, – сказал он. – Но теперь я буду готов. И ты будь готова. Если что – беги ко мне. Или к бабушке Клавдии. Мы спрячем.

Ленка кивнула, поправила платок и, спотыкаясь, побежала вниз по тропинке, к кузнице, откуда уже доносился лязг металла – Арсений работал допоздна. Максим смотрел ей вслед, пока её синий платок не растаял в сумерках.

Потом он перевёл взгляд на небо. Где-то там, на севере, летел голубь. С прошением о помощи. Которое может никогда не дойти. Или дойти слишком поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.